

Д. ДЭВИДСОН О МЫШЛЕНИИ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ

Равочкин Никита Николаевич

Кузбасский государственный университет

имени Т.Ф. Горбачева;

Кузбасский государственный аграрный университет

имени В.Н. Полецкова

nickravochkin@mail.ru

D. DAVIDSON ON THINKING, COMMUNICATION AND SPEECH BEHAVIOR

N. Ravochkin

Summary: In this work, the author examines the ideas of the American philosopher D. Davidson about thinking, communication and speech behavior in the context of modern interpretation theory. Taking into account the pragmatics of philosophy, the expediency of studying interpretation to solve the fundamental problem of understanding is justified. The works of classics and modern authors relevant to the stated topic are analyzed. The necessary methodological clarifications and explanations for the presented opinions are provided. The connections between thinking and speech are represented. The influence of thinking on communication and making choices in life situations is demonstrated. The applications of D. Davidson's theory to various lines of behavior of a subject in society are specified. In conclusion, the author summarizes the results of the study.

Keywords: interpretation, thinking, speech, communication, behavior, choice.

Аннотация: В настоящей работе автор рассматривает идеи американского философа Д. Дэвидсона о мышлении, коммуникации и речевом поведении в контексте современной теории интерпретации. С учетом прагматики философии обоснована целесообразность изучения интерпретации для решения фундаментальной проблемы – понимания. Проанализированы релевантные заявленной тематике труды классиков и современных авторов. Приводятся необходимые методологические уточнения и пояснения к представленным мнениям. Репрезентированы связи мышления и речи. Продемонстрировано влияние мышления на коммуникацию и осуществления выбора в жизненных ситуациях. Конкретизированы приложения теории Д. Дэвидсона к различным линиям поведения субъекта в социуме. В заключение автором обобщены итоги проведенного исследования.

Ключевые слова: интерпретация, мышление, речь, коммуникация, поведение, выбор.

Понятие интерпретации сегодня является набирает популярность не только в лингвистике, но и в различных гуманитарных областях научного знания. Обратимся к словарям в поисках определения данного понятия. В свою очередь, в философском дискурсе анализ концепций, претендующих на фундаментальное осмысление мира и его отдельных сторон, будут являться, в соответствии с позицией П. Рикера, не чем иным, как «интерпретацией интерпретаций». Анализ термина «интерпретация» позволяет определить его как «объяснение», «разъяснение / раскрытие смысла», «толкование». Следовательно, когда речь идет об интерпретации текста, то под этим феноменом следует понимать раскрытие заложенного в тексте содержания. В.З. Демьянков считает интерпретацию не только научным инструментом, но и объектом. Автор замечает, что необходимость в интерпретации текстов послужила толчком к возникновению филологической науки вообще [3]. Даже сейчас под словом «филология» понимается универсальный метод изучения текстов. Исследователь, чья статья посвящена интерпретации текстов СМИ, очень подробно останавливается на определении и характеристике понятия «интерпретация».

Процесс интерпретации подразумевает восприятие

и осмысление текста. Текст, подвергаемый интерпретации (иными словами, являющийся объектом интерпретации), называется интерпретируемым, а текст, который рождается в ходе интерпретации (иными словами, результат интерпретации), называется интерпретирующим. Интерпретирующий текст вторичен по отношению к интерпретируемому, поскольку один и тот же текст, который подвергается осмыслению, порождает множество интерпретаций, а, следовательно, множество интерпретирующих текстов. Интерпретирующий текст представляет собой сложный со структурной точки зрения феномен. Он состоит из разноуровневых единиц, организованных по принципу ядра и периферии (ближней и дальней) [6, С. 24-25].

Ядро интерпретирующего текста представлено метатекстовыми высказываниями – «вербализованными суждениями о языке или тексте, являющимися результатом осознания языковой действительности» [9, С. 55] или представляющими собой «проявление в вербализованной форме осознанного отношения к языковым единицам, формирующим высказывание» [2]. Эти метатексты актуализируют семантику и прагматику интерпретируемого текста. Семантика и прагматика представлена следующими компонентами, выделенными Л.Г. Ким: (1)

лексическим значением языковой единицы; (2) референтной соотнесенностью языкового знака; (3) имплицатурой высказывания; (4) коннотациями, имеющимися в значении слова; (4) уместностью или неуместностью употребления слова; (5) общей оценкой высказывания; (6) искренностью / неискренностью говорящего [6, С. 28].

Ближняя периферия интерпретирующего текста представлена высказываниями, в которых «интерпретация имеет пунктуационное, графическое, интонационное оформление (т.е. невербальные речевые действия, например, во фразе «Казнить нельзя помиловать» интерпретация определяется постановкой запятой) или представляет собой декламационное чтение». Дальняя периферия представлена текстами, в которых «интерпретирующее суждение максимально свернуто, скрыто» (например, паузы, скрытые семантизации предлогов) [6, С. 28-29].

При этом Л.Г. Ким подчеркивает парадоксальность ядерно-периферийной организации интерпретирующего текста, проявляющуюся в противоречии понятий «ядро/периферия» и «норма/не норма». Исследователь отмечает, что в норме интерпретация чаще всего представлена нулевыми, скрытыми текстами, которые занимают в структуре интерпретирующего текста периферийную позицию в то время, как высказывания, занимающие ядерную позицию в структуре интерпретирующего текста, используются в качестве средства интерпретации крайне редко [6, С. 30].

В фундаментальной работе Д. Дэвидсона «Исследования истины и интерпретации» обращает на себя внимание отрывок, посвященный рассмотрению вопроса о взаимосвязях между элементами когнитивной пары «мышление – речь». Вообще данная работа направлена на понимание процесса мышления человека, осмысление влияния мышления на речь, а также влияние речи на мышление в реалиях различных жизненных ситуаций. Такая информация помогает ориентироваться и понимать собеседника в различных жизненных ситуациях. В плане практической значимости эта информация приобретает множественное выражение, например, в экстремальных и эмоционально нагруженных ситуациях, а также в процессе коммуникации с лицами, для которых язык собеседника не является родным. В повседневной жизни общение – это естественная форма социальной активности, однако при нестандартных ситуациях понимание взаимосвязи речи и мышления позволяет лучше понять собеседника, поскольку при высокой эмоциональной напряженности содержание речи в большей степени вызвано не мыслями, а эмоциональными переживаниями [12, С. 73-80]. Таким образом, слова есть отражение эмоционального состояния лица, что при попытках понять собеседника может привести к ошибкам в (ис)толковании речи и восприятию информации. Речь

является формой социального взаимодействия, и изучение вопросов взаимосвязи речи и мышления позволяет установить такое взаимодействие более эффективно.

Так, Д. Дэвидсон пишет о том, что на первый взгляд зависимость речи от мышления является очевидной, поскольку речь сначала зарождается в форме мыслей. Основным вопросом при изучении данной работы можно отметить взаимодействие речи и мышления. Так, автор ставит возможность существования мышления без речи. На данный вопрос автор отвечает, что, безусловно, возможно, и приводит в пример ситуации, когда трудно подобрать слова для выражения имеющихся идей. Однако в подобной ситуации возникает вопрос, который дальше ставит автор, если человек не может подбирать слова, имеет ли он четко сформулированную мысль. Данный пример, по нашему мнению, не является верным, поскольку невозможность сформулировать мысль может быть связана со скудностью словарного запаса, уже отмеченной эмоциональной напряженностью, нежеланием общаться именно с данным собеседником, неуверенность в себе и своих мыслях [4].

Однако автор не затрагивает очевидные, на наш взгляд, ситуации, в которых мышление может существовать без речи (именно устной речи). Например, лица, страдающие немотой, несомненно, не (с)могут выразить свои мысли через устную речь. Также лица, страдающие разной степенью социофобии и аутизма, могут иметь проблемы при выражении своих мыслей в речи, поскольку пребывание в обществе и общение для них зачастую является сильным стрессом, в связи с чем необходимо учитывать тот факт, что их речь в первую очередь может формироваться не мыслями, а различными переживаниями и защитными реакциями [1;8]. То же самое можно сказать о лицах, страдающих логоневрозом, для которых выражение мыслей через устную речь может не отражать мыслей, а также направленно на психологическую защиту [7;10].

Затем Дэвидсон справедливо замечает, что вопрос о взаимосвязи речи и мышления редко задавался сам по себе в чистом виде, что делает необходимой работу по изучению данной взаимосвязи в клинических условиях. Также автор пишет, что, по его мнению, взаимосвязь между речью и мышлением конечно имеется, но она не является прямой, обязательной и очевидной, в связи с чем объяснять одно явление через другое нецелесообразно. Мы разделяем данное мнение, поскольку речь и мышление, конечно, взаимосвязаны, но нельзя безоговорочно привязывать одно к другому, так как это не позволяет объективно оценивать ситуации при беседе с лицами, имеющими вышеуказанные особенности.

Людям свойственно приписывать субъекту ту или иную мысль при использовании так называемых «пси-

хологических» глаголов («думать», «желать», «знать», «убеждаться»), но при этом следом будет идти предложение, предваряемое и именем или же дескрипцией субъекта [4, С. 224]. Однако далее Дэвидсон высказывает справедливое сомнение, что данные критерии являются показателями того, что человек действительно имеет эту мысль. Такое строение предложений с вышеуказанными словами может быть попыткой оказания влияния, давления на собеседника, также попыткой введения в заблуждение, в связи с чем нельзя говорить о том, что такие критерии речи являются показателями отражения мыслей.

В последующем автор пишет, что, способность говорить, как принято считать, отражает владение языком, а то, что следует после произнесения высказываний, относится к делу лишь косвенно. Тем не менее, данное мнение поверхностно и является заблуждением, поскольку в дальнейшем автор приводит в пример переводчика, понимающего высказывания другого лица, не владеющим языком, и переводящего их при произнесении на другом языке. Данный пример является справедливым, поскольку переводчик доносит не свои мысли, а мысли лица, речь которого переводит. Однако при переводе речи также необходимо учитывать такие факторы, как наличие различных устойчивых фразеологизмов, словосочетаний в различных языках, которые имеют неэквивалентное значение в разных языках. Также стоит помнить о том, что переводчик не может перевести эмоциональную окраску текста собеседника, что является основным элементом в речи, поскольку, как известно, человек воспринимает более 80 % информации через невербальное [5].

Затем Дэвидсон походит к важному тезису работы, являющимся справедливым: субъект не может иметь мысли, если он не осуществляет перевод речи другого. Отсюда следует, что основным критерием мышления в речи является не высказываемые слова, а способность понять речь другого человека. Также Дэвидсон приводит телеологическое объяснение речи, которое в первую очередь связано с мотивом действий, т.е. разговора. Желание и мнения являются элементами телеологического толкования, что позволяет более точно понять мотивы лица, и (ис)толковать его речь через призму данных условий. Когерентность в данном случае обнаруживает двуединую природу идеи рациональности: интерпретация действия через причинность в контексте тех или иных желаний и мнений; (2) соотнесенность данных установок друг с другом. Однако несмотря на все плюсы, данная теория позволяет взвешивать множество альтернативных интерпретаций, и в связи с чем толкование речи и мыслей может быть неточным [4].

Следующей теорией, позволяющей объективно оценить взаимосвязь является теория принятия решений

в условиях неопределённости, или неполноты имеющейся информации – в ее основе находится сила предпочтения и убежденность субъекта в мнении [4, С. 226]. Здесь используются различные структуры предпочтений между потенциальными поведенческими линиями индивидов. Несмотря на то, что теория Рамсея изначально является математической теорией, изучающей и систематизирующей различные объекты она может быть использована в любых сферах, поскольку математику можно назвать одной из универсальных наук, имеющих влияние на остальные.

В дальнейшем Д. Дэвидсон рассматривает вопрос интерпретации речи, который, по нашему мнению, является основным при социальном взаимодействии. Теория интерпретации применяется совместно с теорией действия и позволяет воспроизводить различные события. В основе данной теории лежит знание обстоятельств, согласно которым кто-то полагает конкретное предложение истинным. Итак, тесная связь между интерпретацией и мнением не может подлежать каким-либо сомнениям [11]. Дэвидсон рассматривает вопрос соотношения мышления и речи в интерпретации Куайна (работа «Слово и объект»). В частности, одним из способов рассмотрения речи и мышления является приписывание кому-то некоторой мыслительной установки, что позволяет более ясно понять речь собеседника. Однако Д. Дэвидсон не разделяет данное мнение, поскольку найти аргумент в пользу того, что только существа, обладающие речью, имеют мысли невозможно, в связи с чем это является недоказанным предположением, которое имеет место быть, но не является научной истиной [4].

В заключение приведенного отрывка автор вновь возвращается к теории, что речь и предложения считаются истинными при определенных обстоятельствах, высказанную в начале. Так, он отмечает, что предложение считается истинным из-за двух факторов: в чем субъект полагает значение предложения, и каково его мнение. Однако толкование данных признаков представляет объективную сложность. Д. Дэвидсон пишет о том, что при высказывании мнения необходимо помнить, что необходимо учитывать, возможность ошибки и только человек осознающий разницу между мнением и истиной может иметь собственное мнение, В обратном случае любое свое мнение человек будет рассматривать, как истину в последней инстанции [4].

Подводя итог изложенному в данной статье, можно сказать, что работа Д. Дэвидсона представляет несомненный интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Практический интерес имеется для лиц, работа которых связана с активной коммуникацией, особенно с людьми в эмоционально напряженных ситуациях, например сотрудников полиции, врачей, спасателей, и конечно психологов. Изучение

взаимосвязи речи и мышления помогает более ясно понять информацию, которую человек хочет донести, оценить мотивы и истинность его слов. Наличие множества теорий и подходов для оценки данного соот-

ношения свидетельствует о том, что данный вопрос до конца не изучен, и требуется дальнейшая теоретическая и практическая работа по изучению взаимосвязи данных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боррадори Дж. Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтай Ром, Куном. – М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис, 1999. – 208 с.;
2. Вепрева И.Т. Что такое рефлексив? Кто он, *homorefectens*? // Известия Уральского государственного университета. — 2002. — № 24. — С. 217-227.
3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С.116-133.
4. Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. – М.: Праксис, 2003. – 448с.
5. Кинан К. Эффективное общение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psychologyofcommunication.jimdo.com/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/> (Дата обращения 10.12.2023).
6. Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – 260 с.
7. Лузаков А.А. Личность как субъект категоризации в межличностном познании: взаимодействие когнитивных и ценностно-мотивационных структур: автореф. дисс. . . . докт. психол. наук. – Краснодар, 2008. – 47 с.
8. Макеева Л.Б. Язык, онтология, реализм. – М.: ВШЭ, 2011. – 311 с.
9. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 193 с.
10. Рябкина З.И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. – Т. 29. – № 2. – С. 78-87.
11. Самойлов С.Ф. Проблема коммуникации в социально-философской мысли XX столетия // Общество и право. 2012. – № 2 (39). – С. 283-285.
12. Танасов Г.Г. Проблема общения в отечественной психологии и в исследованиях психологов кубанского государственного университета // Человек. Со-общество. Управление. – 2011. – №1. – С. 70-83.

© Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»